

СРЕДИ последователей сахалинского путешествия А. П. Чехова почетное место принадлежит Власу Михайловичу Дорошевичу (1862—1922 гг.), известному писателю-сатирику, публицисту, вошедшему в историю русской литературы и журналистики с титулом «короля фельетонистов». В. М. Дорошевич проявил глубокое понимание того, почему Чехов «чистую и приятную работу беллетриста променял на черную и грязную работу собирателя статистических материалов». Вместе с тем книга «Острова Сахалина» не во всем его удовлетворила. И в 1897 году, через два года после выхода книги Чехова, он отправляется на Сахалин, чтобы изучить «жизнь-бытие отверженных», ознакомиться с бытом сосланных на каторгу во всех подробностях. Результаты этой поездки нашли отражение в его книгах «Сахалин» и «Как я попал на Сахалин», вышедших в 1903 году. По верному замечанию одного из первых исследователей сахалинской темы в творчестве В. М. Дорошевича М. В. Теплинского, это «живые эмоциональные очерки, в которых автор открыто выражает свою боль, гнев, возмущение».

Книга «Сахалин» довольно большого формата, в ней более 600 страниц и свыше 200 фотографий и рисунков. Она состоит из двух частей, в первой части под названием «Каторга» (432 страницы) 65 очерков, в которых дается характеристика учреждения каторги, во второй «Преступники» (197 страниц) 21 очерк, в которых он описал различные типы каторжан. Дорошевич стремится в своей публицистической книге ответить на вопрос: «Как живут на Сахалине». Он пишет: «Замечательное дело: мы ежегодно приговариваем к каторжным работам от двух до трех тысяч человек, решительно не зная, что такое каторга».

Он прибыл на Сахалин на пароходе «Ярославль», не имея разрешения на посещение каторги, его после Чехова встретили в штыки, и только опытность и предпримчивость журналиста позволили ему добиться своего. Об этом он рассказывает в своей книге «Как я попал на Сахалин». Среди тюремной обстановки он провел 3,5 месяца, и все это время, пишет он, два впечатления донесли, свинцом лежали на душе.

Пароход, везший каторжников из Одессы, казался ему огромной баржей, какие обыкновенно употребляются в приморских городах для вывоза в море

отбросов. А эти серые и пени бабы, а их сожителю с ног сбиваются, чтобы угодить, сами стреляют и терпят скандалы из-за полусапожек или чего другого.

В главе «Каторжное кладбище» писатель рассказывает о похоронах поселенца. Из реальности он зарезал сожителю, которую у него сманил надзиратель, а сам отравился борцом, ядовитым растением, растущим на юге Сахалина.

переноса лет за 50 назад, что кругом... просто-напросто крепостные права».

Дорошевич обстоятельно изучает весь уклад каторги. Вот при «наряде» в тюремной канцелярии открыто нарушается закон о запрещении отдавать каторжников в услужение частным лицам. Часть из каторжан отправляется то огород перекопать, то помочь по хозяйству. И хотя во времена Дорошевича власти пытались как-то контролировать учет людей, но обойти это требование легко, да и начальники тоже люди со слабостями.

«Так у господ служащих и... даже во Владивостоке можно видеть очень приличную мебель работы корсаковских мастеровских». «А вот самый необыкновенный парадный обед. Обед у начальника округа. Горничная, бойко прислуживающая за столом, пришла за убийство мужа... лакей за грабеж, повар из ревности зарезал жену. На обед подавались необыкновенные блюда». «Какжется, недурной повар, — самодовольно говарил начальник округа, любясь эффектами... Только портит много. Запивает. Одним карцером и спасено». Совсем словно во времена крепостного права.

Особенно трагична судьба женщин на Сахалине. Женская тюрьма в Корсе коварна невелика, всего один номер на 10 человек, в ней сидят лишь находящиеся под следствием. Женщины на Сахалине отбывают особую каторгу: их отдают в сожителницы поселенцам. Некоторые из них так разражаются обстановкой, где мужчин больше во много раз, чем женщин, что они постоянно меняют сожителей. Это циничные, опухшие от сна

и пени бабы, а их сожителю с ног сбиваются, чтобы угодить, сами стреляют и терпят скандалы из-за полусапожек или чего другого.

В главе «Каторжное кладбище» писатель рассказывает о похоронах поселенца. Из реальности он зарезал сожителю, которую у него сманил надзиратель, а сам отравился борцом, ядовитым растением, растущим на юге Сахалина.

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКОГО ГУМАНИСТА

Корень бора имеет на всякий случай у каждого каторжника, у каждого поселенца. «Такое уж заведенное... На всякий случай... Может, и понадобится! — отвечали поселенцы с улыбкой, какой, не дай бог, чтобы улыбался человек. Или не менее типичная ситуация, когда сожительница ходит «в фарт», то есть промывает проститутку, зачастую это единственный способ достать пропитание себе и сожителю. А то сожитель сам подкидывает ей каторжу».

Дорошевич рассказывает о печальной судьбе молодой крестьянки из Вятской губернии, попавшей на каторгу из-за участия в убийстве нелюбимого мужа. На Сахалине ее отдали в сожительницы поселенца. И здесь, защищая попавшегося ей человека, на которого набросились девять поселенцев, она схватила ружье и убила первого попавшегося. Считается, что на Сахалине женщины беззащитны, и действительно эту женщину осудят и отдадут в сожительницы в дальнее поселение: «Но какое наказание — пишет автор сахалинских очерков, — можно придумать тяжелее этой «отдаче» другому, отдачи женщины, любившей сильно, горячо, готовой жертвовать своей жизнью... Не лапнуло ли чем-то затлужим, тяжелым на вас, отбитым временем! Крепостным правом, когда так споконьяно «отдавали, и сердцем».

Известный литературовед С. А. Венгерос в статье о Дорошевиче характеризовал «Сахалин» как потрясающую картину сахалинских порядков и нечеловеческого зверства как тех,

кого ссылают, так нередко тех, кто бесконтрольно распоряжается жизнью и смертью каторжников».

Автор «Сахалина» приводит многочисленные истории, когда ни в чем не повинные или больные люди оказываются на каторге из-за равнодушия властей. А здесь из-за малейшей провинности им навешивают 10, 15 лет каторги, так что каторга становится беспрочно

Дорошевич в главе «Людоеды» рассказывает о проведении Оносской дороги в 1892 году, куда отправлено было 390 человек, а вернулось 80. Старший надзиратель Ханов, бывший каторжник, и был той сверхъестественной силой, которая заставляла людей исполнять эти работы. Часть людей умерла от непосильной работы, голода, издевательств и бесконечных порок, другие бежали, часть из них поймана, а остальные пропали «без вести» в тайге. Были случаи людоедства, о чем сохранилась память в каторжной песне:

Пока шли мы с Тюмени —
Ели мы гусей,
А как шли мы до Онора —
Жрели мы людей.

Каторга не только калечит физически, но и развращает. Дорошевич внимательно исследует жизнь каторги, показывает, что здесь процветают бедничество, наущничество, самосуд, кулачество, ростовщичество, что это не обитая, не зрелье, а шайка. Вся эта каторжная иерархия — майданчики (держатели лавочек, ростовщики), Иваны (беспрочные каторжане, главарь), храпы (вымогатели), жиганы (проигравшиеся долга арестанты), шпанка, хамы (пребив каторги) — это продукт каторги, ее закономерный результат. Тут жиганы умирают от голода и чахотки, тут силой и обманом совершаются «мелкие», когда арестант, пришедший

на небольшой срок, становится беспрочно, тут только за подорожие в доносительстве о будущем побеге закалывают живьем. Тут весь Александровский Рудник, где якобы после Чехова произошли благодушные изменения, и работающим там платят, работает на майданчика Василия Кочова.

Дорошевич в главе «Коправит каторгой» с возму-

страницы истории

щением говорит о том, что «нравственное возрождение» преступников поручается целиком надзирателям из оставших солдат или из ссыльнокаторжных. Один из смотрителей изрек: «Мое правило выбить из арестанта за день все съеденные им 3 фунта хлеба, а если нужно, то и больше (ч. 1, стр. 206)». В главе «Редактор-издатель» журналист рисует портрет Бестужева, прозванного Атаманбура, который так драил, бил, колотил неистово, что даже имел неприязни от начальства, что на Сахалине редкость. Особое внимание в книге уделено смотрителю Фельдману, который терпеть не мог непорочных арестантов и выпорол даже собственного повара. Господа служащие берут взятки, принимают подарки, торгуют водкой, берут себе в услужение женщин. Так, из 260 ссыльнокаторжных женщин в Александровском округе в 1894 году ровно половина числились «одинокими», так как были в услужении у служащих. Поэтому служащие не пользуются авторитетом у каторги, и неграмотные надзиратели являются бесконтрольными «хозяевами каторги».

Каторга быстро «осахалинивает» даже образованных людей. Так, доктор Давыдов подвергает больных пыткам, считает их симулянтами. Доктор Сурминский нежно, любовно относится к телесным наказаниям: «Взбрызнуть — и все». Слово о резеде какой-то шла речь.

Есть на Сахалине и хорошие люди. Доктор Лобас — защитник каторги — стал легендой на Сахалине, доктор Кириллов — молодой, просвещенный, протестует против издевательств над

арестантами, борется против телесных наказаний. Но таких людей мало. В основном администрация каторги по своим моральным качествам мало чем отличается от самих каторжников.

Книга «Сахалин» принесла В. М. Дорошевичу широчайшую известность. Слава, «Сахалин» в короткое время выдержал четыре издания (четвертое издание вышло в 1907 г.), был переведен на многие языки. В 1922 году Горький задумал перевести «Сахалин» Дорошевича, но книга по каким-то причинам не вышла. Сегодня советский читатель может ознакомиться с отдельными главами из книги «Сахалин» в одноименнике Дорошевича «Рассказы и очерки», последнее издание которого вышло в 1987 году.

Споры вокруг книги «Сахалин» Дорошевича продолжают до сих пор.

Так, многие известные чеховеды считают, что «Острова Сахалина» Чехова выгодно отличается от «Сахалина» Дорошевича тем, что Чехова не увлекал занимательность биографий и сенсационность поступков знаменитых каторжников, что... списание преступлений у Дорошевича дается с массой натуралистических подробностей, что явно рассчитано на вкусы незыскательной публики.

С. В. Букчин, автор монографии «Судьба фельетониста. Жизнь и творчество Власа Дорошевича» (Минск, 1975 г.), утверждает, что в очерках Дорошевича нет и тени уголовной закзотки, что социальные мотивы преступления — главное для автора «Сахалина», что его интересует повседневная жизнь каторжника, будь он никому не известным бродягой или знаменитым на всю Россию преступником.

Думается, что противопоставление сахалинских очерков обоим писателям неправомерно, а истина лежит посередине. Дорошевич действительно интересовался социальными и бытовыми причинами преступления, вместе с тем, будучи опытным журналистом, он не отвергает и приемов детективной занимательности, когда рассказывает о судьбах каторжников, «героев» знаменитых судебных процессов.

Поверим А. П. Чехову, который, по свидетельству очевидцев, хвалил Власа Дорошевича за его наблюдательный и остроумный талант, особенно выразившись в его очерках о Сахалине.

Г. КУДРЯВЦЕВА,
доцент кафедры литературы ЮСПИ.